

С. М. Шамин

«Прокурором и фискалом
не быть вовсе»:
о проекте передачи функций
прокуроров и фискалов духовенству
(1731 г.)

Включение в правовую систему Российской империи должностей фискала, а затем и прокурора, было одним из ярчайших событий времени правления Петра Великого. Впервые в русской истории появились специальные государственные служащие, в обязанности которых входило наблюдение за исполнением законов. Это, наряду с созданием системы независимых судов, стало важной вехой на пути установления верховенства закона, отказа от допетровской системы власти, в которой управление и осуществление судебных функций были нераздельны.

Созданная Петром в 1711 г. фискальная служба имела крайне широкие полномочия. Фискалам следовало выявлять случаи нарушения законов, «тайно надсматривать», выяснять обстоятельства преступлений, по которым отсутствовали жалобщики-заявители, участвовать в суде, выступая обвинителем от имени государства. Выявленных фискалами преступлений было так много, что судебная система Российской империи оказалась не в состоянии провести следствие и вынести приговоры по большей части дел, возбужденных фискалами. Кроме того, выяснилось, что объем сосредоточенных в руках последних полномочий слишком велик, и это создает условия для злоупотреблений. Уже в 1714 г. фискалам запретили самим вести следствие по возбужденным ими делам. В 1725 г. правительство полностью прекратило производство по не завершенным фискальным расследованиям, открытым до 1721 г. Постепенно фискальная служба пришла в состояние дезорганизации и была формально ликвидирована в 1729 г.¹

Уже в 1722 г. параллельно с фискальной службой действовала прокуратура, в обязанности которой входил надзор за соблюдением законности в су-

---

© Шамин С. М., 2020

¹ Серов Д. О. Судебная реформа Петра I. Историко-правовое исследование. М., 2009. С. 111–114, 375–384.

дах и иных органах власти². Прокуратура воспринималась представителями других ветвей власти с большой настороженностью. После смерти Петра она начала приходить в упадок так же, как ранее фискальная служба и независимый от местных властей суд. Вернуть былое значение прокуратуре решила императрица Анна Иоанновна. 2 октября 1730 г. она издала манифест (опубликован 7 октября), который требовал восстановить прокуроров на прежних местах³. Указ стал реакцией на растущую в обществе потребность в справедливости, возможности защититься от произвола «сильных». Не исключено, что он явился одним из толчков к возникновению рассматриваемого в данной работе проекта о передаче функций прокуроров и фискалов духовенству, хотя прямых указаний на это в документах нет.

Автором анализируемых предложений был воронежский священник Савва Дугин. Село Кузьминки⁴ Сокольского уезда, где Дугин служил при церкви Покрова Пресвятой Богородицы, находилось в одном из отдаленных районов Воронежского края. Это не мешало священнику вести весьма активный образ жизни. Он выезжал на соседние Липские заводы (будущий Липецк), в уездный Сокольск, Воронеж и даже Москву, где у него имелось много знакомых, участвовал в народных гуляниях, писал доносы, судился с соседями. В целом Дугина можно оценить как человека весьма неординарного, талантливого, проникнутого свойственным первой трети XVIII столетия духом авантюризма⁵. В 1731 г. он составил «Устав христианского жития», куда помимо разных идей по переустройству Российского государства включены предложения о придании духовенству некоторых не свойственных ему ранее функций.

Имя С. Дугина уже неоднократно упоминалось в работах исследователей⁶. В общих чертах изучена его биография⁷. Все это позволяет не останавливаться на истории жизненного пути автора рассматриваемого проекта, а перейти непосредственно к анализу высказанных им предложений⁸. Остановимся на вопросах о цели, которую преследовал автор. Она состояла в том,

² Серов Д. О. Прокуратура Петра I (1722–1725 гг.). Историко-правовой очерк. Новосибирск, 2002.

³ Манифест о назначении при сенате Генерал-прокурора и в помощь ему Обер-прокурора. М., 1730.

⁴ Находится на территории современной Липецкой области.

⁵ По теме авантюризма в годы правления Петра Великого см.: Федюкин И. И. Французский авантюрист при дворе Петра I: Письма и бумаги барона де Сент-Илера. М., 2018.

⁶ Лавров А. С. Колдовство и религия в России 1700–1740 гг. М., 2000. С. 250; Курукин И. В., Никулина Е. А. Повседневная жизнь Тайной канцелярии. М., 2008. С. 499; Алпатов С. В. Фольклорные и литературные компоненты видений священника С. И. Дугина // Вестник церковной истории. 2019. № 1/2(53/54). С. 221–227; Алпатов С. В. Мышь и икона: к проблеме фольклорных корней поэтики Ф. М. Достоевского // Studia Litterarum. 2020. Т. 5. № 1. С. 272–287

⁷ Шамин С. М. «Доношения» воронежского священника Саввы Ивановича Дугина в документах Тайной канцелярии // Вестник церковной истории. 2015. № 3/4(39/40). С. 116–139; Шамин С. М. Видения священника С. И. Дугина и «пасквиль» на архиепископа Феофана (Прокоповича) 1731 г. // Вестник церковной истории. 2019. № 1/2(53/54). С. 53–91.

⁸ Составленный Дугиным «Устав христианского жития» хранится в РГАДА: ф. 7, оп. 1, д. 309, л. 69–86. Далее ссылки на листы данного дела приводятся в скобках внутри текста статьи.

чтобы оказаться вне судебной юрисдикции главы Таврского адмиралтейства вице-адмирала М. Х. Змаевича и вице-губернатора Воронежа Е. И. Пашкова, в чьем ведении находился Сокольский уезд. Обычный имущественный спор, бывший центром забот священника, попасть на рассмотрение вышестоящих судебных органов не мог. Дугин стремился перевести разбирательство по своему вопросу в Москву, ссылаясь на государево «слово и дело». По первоначальной задумке священника собранные для «Устава христианского жития» материалы должны были ему в этом помочь. Однако ничего не вышло. Пашков и Змаевич всеми силами стремились не выпустить Дугина из Воронежа. В итоге священнику пришлось писать погубивший его сомнительный донос на князя А. И. Шаховского. Сам же «Устав христианского жития» стал второстепенным документом дела об оскорблении императрицы. То, что созданный Дугиным текст был средством, одним из элементов многоходовой интриги, а вовсе не целью автора, делает произведение еще более ценным, поскольку священник старался излагать свои мысли так, чтобы понравиться властям. Иными словами, перед нами не протест в силе старообрядческих посланий, а размышления верноподданного человека, направленные на усовершенствование государства, а при удаче — на собственный карьерный рост.

Условия создания «Устава христианского жития» сказались на структуре записей Дугина. Его текст писался в заключении — «под караулом», вероятнее всего, без черновиков. Автор не имел доступа к книгам, из-за чего развивал свои идеи постепенно, по мере написания работы. Первые мысли по поводу интересующего нас вопроса священник высказал в разделе «В высокой чести идет», где описал значение духовенства для страны, его нравственные качества, изложил идеи по улучшению состояния духовного чина, дополнительной пользе, которую священники могли бы приносить государству. В итоге перед читателем оказалась представлена некая идеальная структура, к которой следовало бы стремиться. Ниже священник остановился на вопросе о желательном месте священства в армии (раздел «О полковых попах»), на роли священников в правосудии (разделы «О судах», «О разбойниках», «О доносителях»).

Судя по всему, составляя главу «О доносителях», Дугин заметил, что в создаваемой им реальности священники по своим функциям становятся поразительно похожими на фискалов Петра Великого. Для автора образ «доносителя» был, безусловно, положительным. Он сам неоднократно и весьма успешно пользовался доносами в борьбе со своими противниками. Ниже Дугин поместил раздел «О фискалах». В нем показывалось, что священники подходят для исполнения соответствующих функций гораздо лучше, чем петровские прокуроры и фискалы. Далее следует «Реэстр казни», где также представлены отдельные предложения по интересующей нас теме.

В данной статье предпринята попытка обобщить предложения Дугина и воспроизвести их в логическом порядке. Начать следует с раздела «О фискалах», который содержит обоснование идей о необходимости использовать священников вместо фискалов.

Требование заменить фискалов и прокуроров на людей духовного чина Дугин объяснял следующим образом: «Прокурором и фискалом не быть во все, ибо от них пользы ни маленькой нет, но паче государство вреждаетца. Ибо такие же грешники, как и протчие. И купно изъядают людей с судьями заодно. Да и честь им творить неможно, ибо те же миряне простые. И заодно взятки берут. И все хотят от дела своего нажить. Воистину волцы. Не щадят стада Христова. Видяще человека погибающа, не помогают ему. Да како ему помощи? Ибо сами они ни чему не знают. И не научены. И многие грамоте мало знают. А освященному чину весьма прилично о всем смотрение иметь, ибо воистину отец рождает крещением и учит закону, и ответ давать наречен от Бога на страшном всемирном Божиим суде за них. И как бы ему о нем не радеть, ибо на нем от Бога взыщется? От Бога и, по нынешнему уставу, от архиерея. И от ея императорского величества» (Л. 80).

Для реализации своих предложений на практике священник предлагал в качестве первоочередной меры увеличить число архиереев так, чтобы под властью каждого из них находилось не более ста или двухсот церквей. После этого планировалось утвердить трехступенчатую иерархическую систему, которую составили бы священники, протопопы и архиереи.

Нижшее место в этой иерархии отводилось священникам. Пастырю полагалось следить, нет ли в его приходе воров, разбойников, пьяниц, сквернословцев, ленивых, блудников, гордых, «непокорников», «озорников» и доносить об этом властям. В этих обязанностях можно видеть определенную параллель с обязанностями фискалов. Отличие состоит в том, что круг нарушений, которые полагалось отслеживать священнику, оказался гораздо более широким, чем у фискалов, внимание которых было сосредоточено на хищениях и злоупотреблениях должностных лиц.

Имелись у священников также полномочия, которыми фискалы наделены не были. Во-первых, священники оказывались нижним звеном судебной системы: «Ежели кто похочет на кого бить челом о обиде своей, о завладении земли или о отъеме какого скарба, то прежде челобитья объявить обиду свою приходскому своему священнику и приносить жалобу старейшим села того. А священнику селскому немедленно, взяв того ж села старых людей и того обидимого соседом, спросить по духовности подлинно от того, на ково он жалуетца. Есть обида? И не напрасно ли затевает? И ежели отъщца⁹ правда, что он от того человека, на которого жалуетца, обиду терпит, то призвав того озорника, обличить ево пред народом и велеть ему ту обиду оплатить¹⁰ безволокутно, и примиритца с ним, и жить в христианской любви по-прежнему» (Л. 77). Наделение священников правом судить сельчан своего прихода было явным новшеством.

Кроме того, любому человеку, желавшему начать судебную тяжбу в воеводской канцелярии, по проекту Дугина полагалось первоначально обратиться к священнику. Тот обсуждал дело со старейшими людьми и подписывал

⁹ Чтение предположительное.

¹⁰ Чтение предположительное.

челобитье. Тех, кто пытался обратиться к воеводе за судом без одобрения священника, планировалось наказывать, а также отлучать от Церкви. Начинать расследование по не заверенным священником жалобам запрещалось. Таким образом, священникам передавалось право надзора над следствием, причем уже на стадии подачи жалобы. Одновременно на священников возлагалась ответственность за несправедливо возбужденные дела. В случае оправдания обвиненного иск нужно было без суда «доправить на селе и на священнику» (Л. 78).

Не вполне понятно, полагалось ли священников наказывать физически вместе со старейшинами за несправедное челобитье: «А аще по суду и по свидетелству будет оправдан тот, на которого били челом, а священник и старейшие села того подписали напрасно, то воеводе, собрав з других сел обывателей и священников с протопопом, ехать в село то, которые неправдою подписались. И собрав всех на публичное место, объявить дело, что тот прав. А тот виноват, на которого они подписались и напрасно оправдали. Виноватого учинить всем подписчиком наказанье. Бить плетью всякому человеку по пети ударов. А бить в рубахе, не по нагому телу» (Л. 77 об.). С одной стороны, священник входит в число «всех подписчиков», с другой, когда речь шла о необходимости «доправлять» иск, Дугин специально указал, что священник входит в число тех, на кого наказание наложено.

Особый по сравнению с фискалами статус священника подчеркивался введением жестокого наказания тем, кто ему «не покоряется». Виновному предписывалось десять ударов кнутом и недельное заключение в тюрьме. Поднявшему же руки на духовное лицо полагалось «бес пощады отсечь левую руку, яко возложил руку на Христа Господня» (Л. 81 об.).

Над священниками, по замыслу Дугина, стояли протопопы. «Устав христианского жития» требовал отказаться от существовавших в исследуемый период практик назначения протопопов. Требование выражено весьма категорично: «Накупных и выборных старостов поповских и судей отставить вовсе» (Л. 71). Позднее в Москве, во время допроса о причинах составления «Устава христианского жития», следователи потребовали от Дугина, чтобы он объяснил, кого именно имеет в виду под «накупными» поповскими старостами. Священник раскрыл этот вопрос весьма подробно: «Оное-де написал он, поп Сава, для того, что Резанской епархии многие попы, а имянно города Соколска церкви Казанские Богородицы Никита Павлов, города Романова церкви великомученицы Параскевы поп Дементей Сидоров и другие, токмо все имян не упомнит, резанского архиерея от управителии определены в поповские старосты, а ныне к духовным делам в судьи. И за то оным управителем дают денги, о чем ему, попу Саве, означенной поп Никита сказывал, что за определение ево в поповские старосты дал он архиерейскому управителю архимандриту Мисаилу десять рублей, почему-де признавал он, Сава, что и других попов к означенным делам, не взяв с них взятков, не определяют. И чтоб таковых накупных судей отставить вовсе, дабы от таковых не было лихоимства, понеже-де оные накупные судьи и сами будут от дел брать взятки» (Л. 105 об.— 106). Поповского старосту традиционно выбирали сами свя-

щенники¹¹. Дугин также пишет именно о выборных поповских старостах. Однако из материалов допроса священника очевидно, что на практике в Резанской епархии в рассматриваемый период служащие архиерейского Духовного приказа могли оказывать на этот процесс серьезное влияние.

По проекту Дугина, протопопов предстояло назначать напрямую архиереям из тех, о ком «грацкие священники и мирские подпишутца, что ево с такое дело будет» (Л. 71). Кандидату в протопопы следовало перед назначением месяц служить при архиерее, чтобы тот ближе познакомился со своим подчиненным и лично определил степень его пригодности. Обязанности протопопов были весьма обширны. Им полагалось собирать со священников «достойную дань» для архиереев, судить священников или (в случае «больших дел») отсылать их на суд архиерею, следить за священниками, получать от них доносы на прихожан. Приняв от священника донос, протопопу, по проекту Дугина, предписывалось поехать со доносчиком в приход и наложить на нарушителя епитимию.

В случае неподчинения виновного протопопу, протопоп и священник отправлялись к воеводе, которому полагалось записать их показания. После этого воеводе предписывалось в обязательном порядке схватить виновного, невзирая на его звание и заслуженный чин, а потом судить его, основываясь на показаниях протопопа и священника. В итоге воевода должен был «учинить казнь гражданскую непременно» (Л. 71 об.). При необходимости для смирения непокорных протопопу воеводе полагалось выделять военных.

При обычном ходе дела, когда «брать» никого не требовалось, протопоп играл важную роль в утверждении приговора виновным. Воеводе вменялось в обязанность, приняв подписанную священником жалобу, провести следствие, а затем вынесенный приговор передать на утверждение протопопу. Только после одобрения протопопом приговор вступал в силу. В случае если воевода желал наказать кого-либо сам, ему полагалось сначала спросить разрешения у протопопа.

Проект Дугина предполагал максимальное ослабление воеводской власти. Воеводы назначались в города не более чем на два года и подчинялись не только протопопам, но и священникам: «К протопопу града того быть во всем покорну и послушну, почитающе чин святительства его. Так же и ко священником уездным почтение иметь с покорностию. Яко к сущим ближним служителем и молитвенником Бога небесного» (Л. 72). За непослушание протопопу воевод полагалось смещать с должности. Одной из обязанностей протопопа было унимать воевод, берущих взятки, и доносить губернатору о проступках воеводы. Протопопу также полагалось надзирать за тем, не поместил ли воевода кого-то «напрасно» в тюрьму или в заключение в какой-то из канцелярий. За непокорность протопопу полагалось наказание в виде половины месяца заключения в тюрьме и 15 ударов кнутом.

¹¹ Стефанович П. С. Приход и приходское духовенство в России в XVI–XVII веках. М., 2002. С. 225–230.

В армии назначать протопопов не планировалось, однако полковников и офицеров Дугин хотел подчинить полковым священникам так же, как воевод подчиняли протопопам: «Полковым попам действие чинить в своих полках, якоже и протопопы во граде. И полковником, и афицером без своего полкового попа никакого суда не вершить. Также и о продолжительном жалованье служивым жалобу приносить своему попу, которому надлежит старание неленосное иметь, яко о сущих чадах Божиих и ево» (Л. 76 об.). Среди особых полномочий полковых священников — наблюдение за тем, чтобы служащих не задерживали в полках свыше определенного им срока службы.

Следовательно, который позднее допрашивал Дугина о его сочинении, расценил предложения священника как фактическую передачу власти от воевод протопопам. Вопрос чиновника Тайной канцелярии о протопопских полномочиях звучал так: «В какой силе написал и для чего протопопу предавать всю власть грацкую, и людеи, понеже по указу ея императорского величества в городех определены к правлению гражданских дел воеводы». В ответ священник уточнил, что это не так, а «в гражданских делах, кроме духовных, надлежит быть в ведомстве у воевод» (Л. 106).

Наделяя протопопов огромной властью, Дугин понимал, что создает почву для злоупотреблений. Уберечь воеводу и протопопа от совместного получения взяток священник предполагал при помощи угроз смертной казни: «ежели воевода явитца винен, что подлинно взял взятки, то в том же городе, где он был воеводою, среди торга казнить смертью при протопопу и при губернаторе или при поверенных. А ежели протопоп полстясь взятки возмет купно с воеводою заодно, то губернатору и архиерею той области судить протопопа и воеводу вместе. И ежели явятца вины, то обоих, протопопа и воеводу, казнить смертью бес пощады» (Л. 82).

Контролировать протопопов полагалось архиереям. Они выступали апелляционной инстанцией для дел, по которым вынесли свои решения воеводы и протопопы. Иерархам предоставлялось право решать, следует ли передавать расследованное воеводой дело на повторное рассмотрение в губернской канцелярии. Принимать материалы к производству без архиерейского благословения губернаторам не полагалось. Тем же людям, которые осмелились бы подавать жалобу губернатору без подписи архиерея, предписывалось «дать петнатцать ударов кнутом, да доправить с него денги пять рублей в казну, да губернатору два рубли, а суда по ево челобитной ему не давать» (Л. 78 об.).

За непокорство перед архиереем Дугин предлагал весьма строгое наказание: «Аще кто от человек дерз явитца и не покорен пред архиереем, а о том при нем священники видевшее донесут, что ево, преосвященного, повеления и чести не охранил какой велможа, или не покорен явился, то немедленно взяв, снять чин, посадить в тюрьму на месяц. И по прошествии дать ему на тело оскорбление тритцать ударов кнутом. Ибо яко богоборец явился и оскорбил во архиереи живущаго Святого Духа. Потом в прежней чин прощен да будет» (Л. 80–81 об.).

Сдерживать губернаторов и архиереев от служебных нарушений полагалось так же, как протопопов с воеводами. В случае если губернатор и архие-

рей будут уличены во взятках, им полагалась смертная казнь: «А ежели в вышесказанных продерзостях явятца архиереи и губернатор, то доносить Святейшему Синоду и Правительствующему Сенату. И им по суду докладывать самодержавней. И чинить потому ж обоим смертная казнь» (Л. 82). Предполагал Дугин и высшую апелляционную инстанцию — суд самой императрицы.

Кроме трех основных «надзорных» ступеней — священник—протопоп—архиерей — проект Дугина предполагал также существование стоящих ниже данной иерархии специальных «доносителей». В эту должность люди вступали с ведома священника. Должность «доносителя» мог занять и сам священник с ведома протопопа. По доносам «доносителей», подписанным священником и мирскими людьми, воеводе и протопопу полагалось проводить проверки. За ложное сообщение «доносители» ответственности не несли.

Очевидно, что по проекту Дугина священники и протопопы получали существенно больше власти, чем имели ограниченные правом надзора прокуроры, и даже больше прав, чем фискалы. Фактически духовные лица могли остановить любое судебное разбирательство. При этом церковная структура полностью слилась бы с государственной. В ходе реализации на практике идей «Устава христианского жития» доносительство по поводу любых проступков, даже самых мелких, стало бы служебной обязанностью каждого священника. Любопытно, что Дугин «не замечал» очевидного противоречия между возведенным для духовных лиц в обязанность доносительством и требованием сохранять тайну исповеди.

Некоторые из выдвинутых в «Уставе христианского жития» предложения находились в русле общего направления эволюции русского духовенства рассматриваемого периода. Среди таких тенденций — активизировавшийся при Петре I процесс огосударствления церковных структур, выразившийся в создании Синода, передаче духовенству некоторых управленческих функций (объявление на службе о вновь издаваемых законах, ведение метрических книг, выявление раскольников и надзор за ними, наблюдение за проведением «ревизий» податного населения и др.). Еще одна тенденция церковной жизни, которую Дугин явно поддерживал, — уменьшение епархий и усиление связей между архиереями и священниками¹². Третья тенденция, отмечавшаяся исследователями еще для второй половины XVII столетия, это усиление роли поповских старост, которые в первой трети XVIII в. были для архиереев важным рычагом управления церковной жизнью на местах¹³.

Анализ «Устава христианского жития» показывает, что названные тенденции имели сторонников и в среде духовенства. Обычному провинциальному священнику явно хотелось стать частью государственной машины, получив при этом более высокий статус, дополнительную власть и привилегии.

¹² Стефанович П. С. Приход и приходское духовенство в Русской церкви. XVIII–XIX вв. // Православная энциклопедия. Русская православная церковь. М., 2000. С. 267–270.

¹³ Сулова Е. Д. Карельский священник-самозванец перед лицом церковных властей в первой трети XVIII века // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2017. Вып. 74. С. 72–76.

Дугин, безусловно, осознавал последствия собственных предложений — под его пером возникли пары протопоп/воевода и архиерей/губернатор, вместе идущие на смертную казнь за взяточничество. Насколько широко такие стремления были распространены в среде простого священства, сказать сложно. Ясно лишь одно: Дугин рассчитывал, что его идеи будут положительно восприняты «наверху».

Вопреки надеждам, войти в доверие к вышестоящим властям Дугину не удалось. Судьба священника оказалась трагичной. Он был расстрижен по решению архиепископа Феофана (Прокоповича), а затем, 4 апреля 1732 г., стараниями главы Тайной канцелярии генерал-адъютанта А. И. Ушакова, казнен на Сытном рынке Петербурга. Эти события не были никоим образом связаны с литературным творчеством и законодательными инициативами Дугина. Он, отстаивая свои имущественные интересы, ввязался в большую политику, поставил под угрозу карьеру князя Шаховского и проиграл. Е. В. Акельев и Г. О. Бабкова показали, что дела Сыского приказа за 1730–1750-е гг. «позволяют констатировать очень низкую процессуальную эффективность пытки как следственного дела»¹⁴. В случае же с Дугиным пытка оказалась весьма «эффективной». Следователи «выбили» из расстриженного священника нужные для его осуждения показания.

Впрочем, шансов на практическую реализацию «Устав христианского жития» не имел, даже если бы его автор не сложил голову на плахе. Прописанные в «Уставе» привилегии духовенства очевидным образом ущемляли права благородного дворянства, остававшегося основной опорой государственной власти. Вряд ли кто-то из воевод или полковников захотел бы оказаться в подчинении у обычного протопопа. Если же все-таки делать предположения о перспективах развития России в случае принятия «Устава» Дугина, то они представляются весьма мрачными. Достаточно вспомнить, что фискальная служба, созданная Петром I для искоренения лихоимства, быстро превратилась в коррумпированную систему, приносящую огромные доходы самим «искоренителям». Решающий удар по этой системе нанес в 1722–1724 гг. прокурор Военной коллегии Е. И. Пашков, сделавший на борьбе со злоупотреблениями фискалов свой изрядный капитал¹⁵. Теперь же, в 1731 г., Пашков занимал должность вице-губернатора Воронежа и был одним из тех, против кого Дугин выдвигал свои «подозрения» и на кого жаловался сотрудникам Тайной канцелярии. Как видим, люди, делавшие свою карьеру в качестве обвинителей, через какое-то время сами могли оказаться в положении обвиняемых. Превратившиеся в фискалов священники подверглись бы тем самым искушениям, против которых не смогли устоять многие фискалы Петра Великого. Очевидно, что попытка использовать священников в качестве фискалов нанесла бы тяжелый удар по моральному состоянию русского духовенства.

¹⁴ Акельев Е. В., Бабкова Г. О. Практика розыскного процесса в Сыском приказе (1730–1750-е годы) // Историко-правовые проблемы: Новый ракурс. 2011. № 4–1. С. 13–26.

¹⁵ Серов Д. О. Фискалы на эшафоте // Родина. 2007. № 11. С. 75–80.

Следует, однако, отметить, что при всей ошибочности предложений Дугина написанный им текст стал ярким отражением реальных проблем с преступностью, соблюдением законов, доступностью суда и его беспристрастностью, защитой собственности, качеством следствия и т. д., которые оставались крайне острыми как в допетровское¹⁶, так и в постпетровское время¹⁷. «Устав христианского жития» является живым откликом на существовавший в русском обществе запрос на справедливость, отражением процесса поиска этой справедливости. Поэтому он остается интереснейшим памятником политической мысли первой трети XVIII столетия. Сочинение Дугина позволяет заглянуть в мир надежд и стремлений одного из простых сельских священников.

Литература

Акельев Е. В. Динамика и структура преступности в постпетровской России: источники и методы анализа // XIV Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества. В 4 кн. Кн. 1. М., 2014. С. 676–683.

Акельев Е. В., Бабкова Г. О. Практика розыскного процесса в Сыском приказе (1730–1750-е годы) // Историко-правовые проблемы: Новый ракурс. 2011. № 4–1. С. 13–26.

Алматов С. В. Мышь и икона: к проблеме фольклорных корней поэтики Ф. М. Достоевского // *Studia Litterarum*. 2020. Т. 5. № 1. С. 272–287.

Алматов С. В. Фольклорные и литературные компоненты видений священника С. И. Дугина // *Вестник церковной истории*. 2019. № 1/2(53/54). С. 221–227.

Гуськов А. Г. Как судился Никита Борисович Пушкин за приданое невестки: (к вопросу о быте и нравах московской элиты конца XVII в.) // Чтобы не перестала память родителей наших и наша, и свеча бы не угасла... К 70-летию Николая Михайловича Рогожина. М., 2019. С. 238–255.

Гуськов А. Г. Отношение к суду в Московском государстве XVII в. (к постановке проблемы) // *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*. 2017. № 1. С. 84–90.

Гуськов А. Г. Судебная деятельность Посольского приказа (на материалах второй половины XVII в.) // *Российская история*. 2018. № 5. С. 17–24.

¹⁶ *Гуськов А. Г.* Отношение к суду в Московском государстве XVII в. (к постановке проблемы) // *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*. 2017. № 1. С. 84–90; *Гуськов А. Г.* Судебная деятельность Посольского приказа (на материалах второй половины XVII в.) // *Российская история*. 2018. № 5. С. 17–24; *Гуськов А. Г.* Как судился Никита Борисович Пушкин за приданое невестки: (к вопросу о быте и нравах московской элиты конца XVII в.) // *Чтобы не перестала память родителей наших и наша, и свеча бы не угасла... К 70-летию Николая Михайловича Рогожина*. М., 2019. С. 238–255.

¹⁷ См., например: *Акельев Е. В.* Динамика и структура преступности в постпетровской России: источники и методы анализа // XIV Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества. В 4 кн. Кн. 1. М., 2014. С. 676–683.

- Курукин И. В., Никулина Е. А.* Повседневная жизнь Тайной канцелярии. М., 2008.
- Лавров А. С.* Колдовство и религия в России 1700–1740 гг. М., 2000.
- Манифест о назначении при сенате генерал-прокурора и в помощь ему обер-прокурора. М., 1730.
- Серов Д. О.* Прокуратура Петра I (1722–1725 гг.): Историко-правовой очерк. Новосибирск, 2002.
- Серов Д. О.* Судебная реформа Петра I: Историко-правовое исследование. М., 2009.
- Серов Д. О.* Фискалы на эшафоте // Родина. 2007. № 11. С. 75–80.
- Стефанович П. С.* Приход и приходское духовенство в России в XVI–XVII веках. М., 2002.
- Стефанович П. С.* Приход и приходское духовенство в Русской церкви. XVIII–XIX вв. // Православная энциклопедия. Русская православная церковь. М., 2000. С. 267–275.
- Суслова Е. Д.* Карельский священник-самозванец перед лицом церковных властей в первой трети XVIII века // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2017. Вып. 74. С. 63–79.
- Федюкин И. И.* Французский авантюрист при дворе Петра I: Письма и бумаги барона де Сент-Илера. М., 2018.
- Шамин С. М.* «Доношения» воронежского священника Саввы Ивановича Дугина в документах Тайной канцелярии // Вестник церковной истории. 2015. № 3/4(39/40). С. 116–139.
- Шамин С. М.* Видения священника С. И. Дугина и «пасквиль» на архиепископа Феофана (Прокоповича) 1731 г. // Вестник церковной истории. 2019. № 1/2(53/54). С. 53–91.

Аннотация. В 1731 г. воронежский священник Савва Дугин подготовил проект преобразований, в котором рассматривались самые разные стороны жизни Российской империи. Большое место в сочинениях Дугина отведено вопросам суда, следствия, различным уголовным наказаниям. В целом предложенные изменения сводились к тому, чтобы передать высший надзор над следствием, судом и исполнением наказаний духовенству. Предполагалось выстроить иерархическую систему из священников, в том числе полковых, протопопов и архиереев, которые могли бы осуществлять подобный контроль. *Ключевые слова:* фискалы, история прокуратуры, поповские старосты, протопоп.

Summary. In 1731, the Voronezh priest Savva Dugin prepared a project for transformation, which examined the most diverse aspects of the life of the Russian Empire. A large place in the works of Dugin is devoted to questions of the court, the investigation, various criminal penalties. In general, the proposed changes boiled down to transferring the highest supervision over the investigation, trial and execution of punishments to the clergy. It was supposed to build a hierarchical system of priests, including regiments, archpriests and bishops, who could exercise such control. *Keywords:* fiscals, history of the prosecutor's office, priests' elders, protopop.